

Ху Сян медленно сжал платок в руке, повернул голову к Чаочжоу и виновато улыбнулся: "Ху Сян бесполезен. Это действительно вина Ху Сяна, что он заставил дядю Цзюхуана беспокоиться обо мне. Когда девять императоров вернутся сегодня в Пекин, необходимо сначала отправиться во дворец, чтобы встретиться с бабушкой императора. На следующий день девять императоров будут свободны, и Ху Сян устроит банкет, чтобы извиниться перед девятью императорами."

Фан Чаочжоу услышал это и прямо отказался: "Нет необходимости устраивать банкет. Я уже приготовил доину. Есть смертную пищу бесполезно, но это вредно". Он оглянулся, и группа людей увидела выходящего Ху Сяна, и теперь все они опустились на колени: "Давайте перестанем стоять здесь, давайте быстро войдем".

Ху Сян мягко кивнул: "Тогда, пожалуйста, дядя Цзюхуан, садись в паланкин."

Как только прозвучали эти слова, несколько человек подошли, неся мягкий паланкин. Фан Чаочжоу посмотрел на людей, несущих паланкин, немного подумал и осторожно спросил: "Почему бы вам всем не сесть на мой летающий меч?" Это очень быстро."

"Ладно. Лицо Ху Сяна не изменилось, когда он услышал слова Фан Чаочжоу, и он поднял руку, чтобы остановить человека рядом с ним, который хотел что-то сказать."

Видя, что другая сторона согласилась, Фан Чаочжоу немедленно увеличил свой летающий меч. Сначала он встал на корпус меча, а затем протянул руку, чтобы помочь Ху Сяну спереди. Когда Ху Сян увидел протянутую перед ним руку, его длинные висячие ресницы задрожали, и он положил на нее свою руку.

Как только Фан Чаочжоу взял Ху Сяна за руку, он поднял этого человека, попросил его найти место, где можно встать, и протянул руку, чтобы вытащить следующего человека. Когда Ху Сян увидел движения Фан Чаочжоу, его взгляд изменился, и когда следующий человек увидел глаза Ху Сяна, он немедленно отступил на несколько шагов: "Девятый принц вежлив, Вэй Чэнь и другие не будут сидеть на летающем мече, мы вернемся в паланкине позже."

Фан Чаочжоу убедил его несколькими словами, сказав, что его летающий меч быстр и скоро придет, но эти люди не хотели подниматься. Он чувствовал, что нехорошо тянуть время. Те люди, которые все еще стояли на коленях, могли только сказать: "Хорошо, тогда давайте сделаем один шаг вперед."

Когда прозвучали эти слова, он наложил заклинание на Ху Сяна позади себя, чтобы избежать того, чтобы противника снесло ветром, когда императорский меч летел.

Как только Фейцзянь поднялся в небо, и без того бледное лицо Ху Сяна стало совершенно белым. Он взглянул на пейзаж у себя под ногами. Эти люди были маленькими, как муравьи. Он только взглянул на него и сразу же поднял глаза, а когда поднял глаза, то, естественно, увидел молодого человека, стоящего к нему спиной.

Одетый в одну мантию, он стоял на ветру, очевидно, стоя высоко в небе, но противник совсем не боялся.

Это тот самый монах? Это отличается от смертных, подобных им.

После того, как императорский меч Фан Чаочжоу некоторое время летал, он увидел дворец в городе. Он оглянулся на Ху Сяна позади себя и увидел, что лицо противника было бледным, его глаза были закрыты, а его стоящее тело слегка дрожало, как будто он был готов упасть в обморок в любой момент. Он быстро протянул руку и схватил запястье противника, пересекая ауру.

Однако Фан Чаочжоу знал, что другая сторона была смертным телом, и он не осмелился пересечь слишком много. Он пересек только немного. Увидев, что лицо Ху Сяна не было таким белым, он убрал руку: "Племянник, этот дворец под твоими ногами - дворец, верно?"

Ху Сян открыл глаза, когда Фан Чаочжоу сжал его запястье. В это время он услышал слова Фан Чаочжоу, стиснул зубы и посмотрел вниз, затем сразу же отвел взгляд. Другой Чаочжоу кивнул: "Да, но во дворце больше не будет императорских мечей, поэтому я побеспокою дядю. Приходи позже посидеть со мной в паланкине."

"Тогда давайте спустимся вниз и будем стоять твердо."

Как обычно, Фан Чаочжоу приземлился сразу, но теперь, когда он привел смертного, он мог только замедлить свою скорость во много раз. Несмотря на это, лицо Ху Сяна снова побледнело из-за невесомости. Приземлившись на некоторое время, он не осмеливался открыть глаза.

Только когда стражники у дворцовых ворот подбежали, чтобы отдать честь, Ху Сян открыл глаза. Он посмотрел на стражников, стоявших на коленях на земле, тихо сказал "Вставайте" и сказал Фан Чаочжоу рядом с ним: "Дядя Девяти Императоров, давайте войдем во дворец".

Потребовалось много времени, чтобы проехать в паланкине, прежде чем он остановился. Как только он остановился, кто-то вышел вперед, чтобы помочь Фан Чаочжоу поднять занавеску паланкина: "Девять принцев, он уже здесь".

"Большое спасибо"

Фан Чаочжоу поблагодарил его и вышел из паланкина. Его глазам предстали две девятиэтажные и трехступенчатые ступени из белого нефрита. В середине ступеней из белого нефрита был огромный белый камень с выбитым на нем белым драконом с пятью когтями. Левый и правый подлокотники украшены резьбой с узоры дракона.

Ху Сян подошел к Фань Чаочжоу и тихо сказал: "Дядя Цзюхуан, это спальня дедушки императора. Давайте войдем."

Он вел Фан Чаочжоу всю дорогу, и дворцовые люди, охранявшие дверь зала, открыли дверь зала, когда увидели их, и тихо опустились на колени с обеих сторон.

В зале было тихо, и когда Фан Чаочжоу вошел внутрь, он услышал кашель.

Человеку, который кашляет, кажется, очень неудобно, и звук кашля слабый, как будто он в любой момент может упасть в обморок.

Как только он услышал кашель, Ху Сян, который шел рядом с Фан Чаочжоу, немедленно ускорил шаги: "Дедушка Хуан снова кашляет?" Неужели эти тайские врачи ничего не делают? Пусть дедушка Хуан так кашляет!"

Он бросился к краю кровати и некоторое время расспрашивал людей на кровати, прежде чем упомянуть Фан Чаочжоу: "Дедушка Хуан, дядя Цзюхуан вернулся".

Человек на кровати внезапно закашлялся со слабостью в голосе: "Правда? Вернулся ли мой Чаочжоу? Чаочжоу, Чаочжоу, ты здесь?"

Вслед за звуком с кровати протянулась рука. Очевидно, это была рука старика, вся в морщинах и темно-коричневых пигментных пятнах.

Увидев это, Ху Сян немедленно повернул голову, чтобы посмотреть на Фан Чаочжоу: "Дядя Цзюхуан."

Фан Чаочжоу сделал паузу, прежде чем подойти и взять его за руку: "Я здесь, отец... Император."

Старик, лежавший на кровати, был одет в ярко-желтое постельное белье, а его волосы были почти белыми, но одно лицо выглядело как у человека лет сорока с небольшим, но кожа на других частях тела ясно указывала на то, что он был стариком.

Когда он увидел, что Фан Чаочжоу держит его за руку, его усталые глаза мгновенно стали намного ярче, и это было полно сюрпризов: "Это действительно мой Чаочжоу. Мы с тобой были слеплены из одной формы, когда были молоды".

Увидев, что Фан Чаочжоу держит старика за руку, Ху Сян проявил инициативу, чтобы уйти с дороги, и сказал: "Дедушка Хуан, Ху Сян, сходи и посмотри лекарство дедушки Хуана."

Старик, казалось, не слышал, что сказал Ху Сян, и только уставился на Фан Чаочжоу одним глазом.

Ху Сян опустил глаза и вышел из дворца.

Без Ху Сяна старик снова заговорил.

"Чаочжоу, ты усердно работал всю обратную дорогу? Ты устал? Я смотрю на тебя слишком худой. Пока он говорил, в глазах старика появились слезы. Он изо всех сил пытался дотронуться до лица Фан Чаочжоу другой рукой, но у него не было много сил, и он долго не поднимал руку.

Фан Чаочжоу взглянул на руку, затем взял инициативу в свои руки, схватил морщинистую руку и приложил ее к своему лицу: "Это не сложно, я монах, и я внезапно оказался в столице. Это легко на всем пути". Благодаря благословию моего отца, я видел много пейзажей по пути. Обычно я остаюсь в горах и не могу этого видеть."

"В самом деле? Просто не работай усердно. Старик рассмеялся, но как только он рассмеялся вслух, он внезапно закашлялся. Увидев это, Фан Чаочжоу поспешно помог старику сесть. Увидев, что подушка, на которой спал собеседник, на самом деле была нефритовой подушкой, он нахмурился, отодвинул нефритовую подушку и вытащил из своего кольца для хранения золотую шелковую мягкую подушку. Подушка за спиной старика талия.

Когда старик увидел движения Фан Чаочжоу, хотя он не мог перестать кашлять, в его глазах появилась улыбка. Через некоторое время, когда он перестал кашлять, он слабо сказал: "Ты был лишь немного старше, когда уходил, и ты был немного выше моей икры. В тот раз бессмертные пришли выбирать учеников и выбрали тебя. Ты так много плакал, обнимал мою ногу и сказал, что не хочешь уходить. В мгновение ока прошло более 30 лет. Я действительно стар, а Чаочжоу ты вырос."

Он много говорил, Фан Чаочжоу слушал, время от времени кивал, и когда старик слишком уставал, чтобы заснуть, он не мог не использовать свою ауру, чтобы исследовать вены противника.

Это действительно жила смерти.

Фан Чаочжоу сделал паузу, прежде чем убрать руку и накрыть старика одеялом.

Большинство смертных в наши дни доживают до шестидесяти или семидесяти лет. Изначально они были стариками. Его отцу сейчас за восемьдесят и девяносто лет. Можно сказать, что он прожил долгую жизнь, но лицо другой стороны слишком молодо и слишком несовместимо с другими местами.

Фан Чаочжоу некоторое время посидел у кровати и встал и вышел только тогда, когда увидел, что старик не кашляет во сне. Как только он вышел, он только что увидел Ху Сяна.

Когда Ху Сян увидел выходящего Фан Чаочжоу, он мягко улыбнулся: "Дядя Цзюхуан, дедушка Хуан спит?"

“Да□”

“Дедушке Хуану хочется спать каждый раз, когда он приходит в этот час, поэтому Ху Сян намеренно попросил людей в больнице Тай приготовить лекарство позже. - Он сделал паузу, - Кстати, дядя Цзюхуан жил в резиденции принца до того, как покинул дворец. Сейчас он закрыт, и в нем уже много лет никто не живет. Что касается других дворцов, в них живут женщины, поэтому Ху Сян осмелился попросить дядю Цзюхуана пожить в моей хижине на некоторое время.”

Резиденция Ху Сяна находится за пределами дворца, но это недалеко от дворца. Особняк охраняют солдаты, но слово “Особняк Е” на мемориальной доске, висящей над особняком, на мгновение ошеломило Фан Чаочжоу.

Войдя в особняк, Фан Чаочжоу был препровожден в главный двор. Ху Сян сказал рядом с ним: “Резиденция Ху Сяна невелика. Все еще виден только этот главный двор. Я надеюсь, что дяде Цзюхуану это не понравится.”

Фан Чаочжоу даже жил в пещерном доме Сюэ Даньжунга с четырьмя стенами, и теперь он чувствовал, что все было хорошо, поэтому он радостно кивнул: “Если тебе это не нравится, я могу это сделать”.

Когда Ху Сян увидел это, он хотел сказать что-то еще, но прежде чем заговорить, он повернул голову, прикрыл губы носовым платком и тихо кашлянул, такой же болезненный, как сердце Сизи.

Слуга рядом с ним сразу же сказал: “Учитель, у вас плохое здоровье. Чтобы позаботиться о возвращении девятого принца в Пекин, вы сегодня не принимали лекарства. В течение этих дней, учитель, вы все еще ждете перед императорским дворцом день и ночь. Если вы будете продолжать в том же духе, вы заболаете.”

“Я... все в порядке, кхм.” Ху Сян слабо сказал: “Просто у меня немного болит горло. Дядя Цзюхуан только что вернулся, и я не могу быть вежливым”.

“Все в порядке, возвращайся и быстро отдыхай.” Фан Чаочжоу видел, что Ху Сян был в таком состоянии, поэтому он не хотел, чтобы люди снова стояли перед ним. Он немного боялся, что другая сторона кашляла и выкашливала всю кровь.

Так или иначе, он, наконец, убедил Ху Сяна вернуться и отдохнуть, но он все равно оставил кучу людей, чтобы служить Фан Чаочжоу, но Фан Чаочжоу привык свободно бродить и не привык, чтобы такие люди служили ему, но эти люди не хотели уходить. Как только Фан Чаочжоу бросился, они в конце концов, у Фан Чаочжоу не было другого выбора, кроме как оставить этих людей позади.

Глубокая ночь□

Земляной дракон очень сильно обжег дом. Человек, стоявший на коленях на земле, вошел в дом только на короткое время, и его шеи были полны пота, но молодой человек, сидевший на диване, все еще был чистым, и даже ему было очень холодно. Плотнo завернутый в лисий мех.

“Дядя Цзюхуан, что он сейчас делает?- Тихо спросил он.

Коленопреклоненный человек поспешно ответил: “Вернемся к мастеру, девятому принцу, он мертв.”

Молодой человек был ошеломлен: “Массаж?”

“Да, Девятый принц и раньше хотел изгнать всех этих приспешников, но каким-то образом они все остались. Теперь приспешники изо всех сил пытаются помассировать девятого принца, потому что Девятый принц сказал, что те, кто хорошо нажимает, будут вознаграждены.- Мужчина сделал паузу, его тон стал завистливым, - Все награды - это эликсир.”

“Эликсир□Какая хорошая вещь.Молодой человек сказал мягким голосом: “Ты хочешь пойти служить к дяде Цзюхуану?””

Когда мужчина услышал это, он тут же постучал себя по голове: “Миньон не смеет, миньон не смеет”.

После того, как он постучал более дюжины раз подряд, его голова была разбита, и он не осмеливался остановиться.

Молодой человек дернул уголок нижней губы, все еще мягким тоном: “Хорошо, я знаю, что ты верен, но это монах, не говори, что хочешь служить в прошлом, даже мне, если ты будешь хорошо служить, ты сможешь получить эликсир”.

С этими словами он взял ножницы, лежавшие на маленьком столике рядом с ним, и срезал лисий мех со своего тела.

Рано утром следующего дня.

Фан Чаочжоу встал, как обычно, но как только он открыл занавеску, он увидел темных людей в комнате и мгновенно замер.И когда эти люди увидели, что Фан Чаочжоу проснулся, они с улыбкой склонились перед Фан Чаочжоу, один за другим, девять принцев сказали, что будут ждать, пока он встанет.

Прошлой ночью Фан Чаочжоу массировали почти час. Впервые он понял боль кошки. Хотя массаж был удобным, он мог нажимать на него так долго. Все еще были люди, спешащие нажать на него. Это действительно заставило его немного запаниковать. Теперь, когда он увидел группа людей окружила его, он тут же отпрянул назад и поднял руку, чтобы

блокировать этих людей.

“Нет, я сам встану! Отойти назад!”

Он насильно выгнал этих людей из комнаты, а после мытья посуды выпрыгнул прямо из окна. Даже когда его выписали из больницы, он также выпрыгнул прямо из окна.

Вскоре после выхода из главного двора Фан Чаочжоу встретил в особняке подчиненного. Когда подчиненный увидел Фан Чаочжоу, он сразу же опустился на колени и взял его багаж. Фан Чаочжоу первым остановил его: “Вы знаете, где живет мой старший племянник?”

Он больше не мог этого выносить. Ему пришлось сказать своему старшему племяннику, что ему действительно не нужно так много людей для обслуживания.

Услышав это, подчиненный поспешно спросил: “Собирается ли девятый принц найти мастера?” Фаворитка привела девять принцев.”

Резиденция Ху Сяна находилась немного далеко от Фан Чаочжоу. Потребовалась чашка чая, чтобы прибыть. Подчиненный привел его во двор, и подчиненные во дворе запаниковали, когда увидели Фан Чаочжоу. Он опустился на колени на землю, Фан Чаочжоу не мог остановить его, он мог только быстро позвать их, а затем спросил.

“Старший племянник все еще спит?”

Один из них приказал: “Мастер уже проснулся, но в этот час мастер принимает лекарство.”

“О, тогда я подожду его.”

Как только прозвучали слова Фан Чаочжоу, дверь комнаты открылась изнутри, и оттуда вышла красивая горничная. Служанка благословила Фан Чаочжоу: “Девять принцев, наш хозяин приглашает вас войти.”

Фан Чаочжоу на мгновение растерялся, но не стал долго раздумывать и направился прямо в дом. Прежде чем войти в дом, он почувствовал сильный запах лекарств, а затем обнаружил, что в комнате очень жарко.

Когда он вошел внутрь, то увидел Ху Сяна, болезненно сидящего на кушетке для красоты.

Ху Сян был слаб и одет. Хотя его нога была покрыта парчовым одеялом, его лицо все еще было белым, а часть запястья была обнажена, потому что в правой руке он держал чашу с лекарством. Это запястье ненамного тоньше женского запястья.

Как будто он не слышал шагов, он нахмурился и сделал глоток лекарства из чаши.

Казалось, что лекарство было слишком горьким, Ху Сян сделал глоток и не смог удержаться, чтобы не выплюнуть язык. Через некоторое время он снова взял чашу с лекарством и сделал глоток.

Фан Чаочжоу, который был свидетелем всего этого, немного подумал, нашел стул, чтобы сесть, а затем наблюдал, как Ху Сян пьет лекарство.

В это время Ху Сян, наконец, заметил Фан Чаочжоу, и на его лице появилась застенчивая улыбка: "Это действительно вина Ху Сяна, что он позволил Девятому императору увидеть Ху Сяна таким."

"Ничего не случилось", сказал Фан Чаочжоу.

Но Ху Сян поставил чашу с лекарством: "Дядя Цзюхуан пришел ко мне рано утром, что-то не так?" "Неужели это Ху Сян плохо обслуживается?" Как он сказал, он опустил глаза, и между его бровями появился мрачный румянец.

Фан Чаочжоу покачал головой: "Нет, дело не в том, что тебе плохо служат, а в том, что тебе слишком хорошо служат. Раньше я практиковал в горах и жил один. Теперь мне служит дюжина человек, но я не приспособлен. Итак, племянник, ты можешь позволить этим людям уйти? Конечно, все они подавались очень хорошо."

Когда Ху Сян услышал это, он на мгновение замолчал, прежде чем слегка кивнуть: "Поскольку это был смысл Девятого Императора, Ху Сян, естественно, прислушался. Дядя Цзюхуан здесь, он, должно быть, все еще хочет спросить, когда он войдет во дворец сегодня, верно? Сегодня день отдыха при дворе, и сотни гражданских и военных чиновников не пойдут ко двору. Императору в этот день придется принять лечебную ванну, и он не будет свободен до полудня."

- Тогда отправляйся во второй половине дня." Фан Чаочжоу встал после выступления. Две цели, ради которых он пришел сюда, были решены, и он должен уйти. "Я уже давно не спускался с горы. Сегодня утром ничего не случилось. Я просто пошел на рынок прогуляться. Я могу сделать это один. Нет нужно послать кого-нибудь следить."

Сказав это, он ушел, шагая очень быстро, опасаясь слезки, пока не оставил Ефу в нескольких улицах от себя, он вздохнул с облегчением.

Фан Чаочжоу спросил кого-то о самом процветающем рынке в столице и отправился что-нибудь найти, но он не ожидал, что почти ни один из магазинов на рынке не был открыт.

Магазины в мире земледелия не отдыхают по двенадцать часов.

Он мгновенно потерял интерес и собирался небрежно прогуляться. Пройдя некоторое время, он случайно увидел магазин с открытой дверью. Увидев, что магазин открыт, Фан Чаочжоу вошел внутрь, но как только он вошел, он уже собирался выйти.

Оказалось, что это магазин румян.

“Этот приглашенный офицер, подождите!”

Прежде чем он вышел, кто-то остановил его первым.

Это была женщина с кокетливым лицом, которая позвонила Фан Чаочжоу. Когда женщина увидела, что Фан Чаочжоу повернула голову в ответ, она потрясла веером в руке: “Приглашенные официальные лица здесь, почему бы вам не взглянуть?” Эти румяна могут использоваться не только женщинами, но и мужчинами.”

С этими словами она обмакнула мизинец в румяна на тротуаре и осторожно вытерла его между бровей.

Фан Чаочжоу был ошеломлен, когда увидел движения женщины, и в следующее мгновение кто-то вышел из заднего зала: “Молодой господин, бухгалтерская книга чиста.”

Человек, который говорил, не ожидал, что здесь были другие люди. Сказав это, он настороженно посмотрел на Фан Чаочжоу.

Молодой господин?

Фань Чаочжоу отодвинул ноги назад. Это имя немного знакомо. Разве это не имя Сун Ляньи, как его называют жители женского монастыря Фэньюэ?

Он посмотрел на женщину, которая все еще улыбалась Янь Янь.

Разве это не должно быть так неудачно? Можете ли вы все еще столкнуться с этими большими переменами, когда приедете в столицу?

Но лучше пойти первым!

Фан Чаочжоу развернулся и хотел убежать, но обнаружил, что магазин уже открыт.

Человек позади него усмехнулся: “Я не ожидал, что ты так быстро меня узнаешь, на этот раз я стал умнее”.

Голос становился все ближе и ближе к нему, и к тому времени, когда было произнесено последнее слово, он уже был у него в ухе.

Рука, которая казалась белой, нежной и бескостной, легла на плечо Фан Чаочжоу.

“Фан Чаочжоу, в прошлый раз моя свеча не закончила капать.”

В его тоне, казалось, слышалась нотка ностальгии.

<http://bllate.org/book/15899/1419752>